

стая, что вы — сирота... Известно ли вам что-то о родителях?

— Почти ничего. Меня привезли в детский дом с Библией на немецком языке. А в ней на титульном листе было записано: «Да будет благословен день, когда у нас родится сын Франц. Адольф и Мария».

— И куда делась эта Библия? — спросил мужчина.

— Её украли с моими вещами в Москве.

— Итак, даже этой Библии у него нет, — обратился Комарек к женщинам. — Никаких документов, кроме паспорта, который тоже, возможно, поддельный. О немецкой культуре этот «неизвестный» имеет также самое смутное представление. Он владеет немецким, не спорю. Цитирует по памяти Канта, Гегеля, Ницше, Гёте и Шиллера. Человек он образованный, но где же, господи, знание немецкой культуры? Где?

— А что вы понимаете под культурой, господин Комарек? — весело рассмеялся Франц.

— Не вам со мною спорить... Итак, господи, ваше мнение?

— Мы обсудим этот вопрос без него, — сказала первая очкастая дама. — Я подозреваю, что он...

Господин Безродный, вы можете идти!..

Шпион под вопросом

— Франц! — взволнованный и раскрасневшийся Густав, словно расклеванный метеор, ворвался в комнату. — В лагере все говорят, что ты русский шпион.

— И пусть говорят, — усмехнулся тот. — От пустых разговоров ещё никто не поумнел.

— А может, ты правда... того... шпион?..

— И ты туда же, — с горечью произнёс Франц. — Ну иди к ним, иди! А то они и тебя к этой организации причислят.

— Нет! — решительно заявил толстяк. — Я останусь с тобой, даже если ты... калмыцкий шпион.

С протяжным скрипом открылась дверь, друзья повернули головы на звук. Их с интересом разглядывал какой-то незнакомец лет шестидесяти с серым лицом, в сером костюме, с туго повязанным на жилетке шеем серым галстуком.

— Кто тут из вас русский шпион? — спросил серый незнакомец.

— Если верить слухам, то я, — отозвался Франц.

— Отлично! Я хотел бы с вами поговорить с глазу на глаз, без свидетелей.

Густав нехотя вышел.

— Давайте познакомимся, — сказал гость. — Я агент «ОО». А вы под каким номером к нам прибыли?

— Под коровьим, — отрекомендовался Франц. — Я последние пять лет трудился пастухом в калмыцких степях...

— А, понимаю. Это там вас готовили к заброске... Хорошо русские работают, тщательно готовят агентов. И многому вы там научились?

— Да, многому. Два месяца изучал тактику доения, три недели стратегию прикрытия... Но с этим в моём стаде возникли сложности, бык оказался слабым, без хорошей эрекции...

— Тактика доения... Это, как я понимаю, — тактика допроса, а под стратегией прикрытия вы, очевидно, понимаете стратегию прикрытия агентов... А под эрекцией? Что вы понимаете под эрекцией? Однако, интересная у вас в России терминология — из сельского хозяйства. Нам надо перенять этот опыт.

— Перенимайте! — милостиво разрешил Франц. — Но будьте осторожны, не навредите новорождённым телятам, а то они у вас все передохнут.

— И с каким заданием вы к нам прибыли?

— Стать полноценным, так сказать, сто процентным немцем.

— Всё ясно. Значит, вас хотели у нас «законсервировать» и использовать, если в этом возникнет необходимость...

— Ну, консервировать меня я никому не позволю, — рассмеялся Франц. — Не хотите ли вы, господин немецкий шпион, выпить со мной калмыцкого чаю?

— Чаю?.. А я слышал, что русские разведчики пьют исключительно водку.

— Враньё! Такие разведчики, как я, пьют исключительно чай.

— Ну, хорошо! Чай так чай! А теперь переходим к делу. Я вам — деньги, вы мне — сведения о вашей агентуре в Германии и России.

— От денег не откажусь, а вот родственников у меня ни в Германии, ни в России нет.

— Если вы не врётё, а я по вашим глазам вижу, что не врётё... То вы для нас — абсолютно бесполезный человек.

— Ну, вот и прекрасно. Значит, и чай вы тоже не будете пить.

— Не буду. Я не пью чай с бесполезными людьми.

— А я пью чай даже с ними.

— Хорошо! Мы поняли друг друга. Я доложу кому следует, что вы — шпион под большим вопросом.

— Я в этом никогда не сомневался. Заходите ещё. Побеседуем о коровах, быках и эрекции... У вас, как мне кажется, уже есть с ней проблемы...

— Вас это не касается! — сердито скрикнул серый в сером. — Я вам не бык, чтобы мне тут ставили диагнозы. Надо же, эти олухи из приёмной комиссии обыкновенного пастуха приняли за русского шпиона! Тоже мне, компетентность!

Безродная личность

На следующий день Франца пригласили в главный корпус для окончательного собеседования. Густав, боксируя на ходу с невидимым противником, последовал за ним.

— Мы им сегодня покажем, — приговаривал он. — Пусть они попробуют нас обоих, чистокровных немцев, выслать обратно!

Жёлтое, как спелый лимон, солнце, которое опять прилепилось к острию антенны, весело и непринуждённо освещало обнесённый высокой стеной лагерь для переселенцев.

— Тебе туда нельзя, — впуская Франца в кабинет, заявила Густаву стоявшая на страже у двери Чёрная Пантера. Но толстяк, решительно и аккуратно отодвинув злое создание в сторону, прошёл вслед за другом.

За столом у окна сидели те же очкастые дамы и немецкий шпион серой расцветки. Комарек расхаживал по комнате.

— А вам что здесь надо?! — сердито спросил он Густава.

— То же, что и вам, — с вызовом ответил тот. — Я хочу присутствовать при разговоре.

— Невозможно. Мы — официальные

лица. А какие полномочия у вас?

— Самые высокие! — постучав себя могучей рукой по груди, воскликнул Густав. — Франц — мой друг! Мы оба — российские немцы!

— Ладно, пусть останется, — пробормотала первая очкастая. — Одним российским немцем больше, одним меньше... в общем... — и, запутавшись в словах, замолчала, а потом объявила: — В общем, какая разница.

— А этот — тоже шпион? — поинтересовался мужчина в сером.

— Этот? — удивился Комарек. — Он комбайнёр — ударник колхозного труда.

— Давайте перейдём к делу, — поторопила присутствующих вторая очкастая. — Господа, скоро завтрак.

— Хорошо! — Комарек остановился напротив Франца. — Господин Безродный, мы в последний раз спрашиваем: есть ли у вас документы, подтверждающие, что вы немец?

— Но у меня также нет документов — улыбнулся Франц, — подтверждающих, что я не немец.

— Вот именно. Вы — никто и ничто. Мы вчера разговаривали с коллегами из России. Они о вас тоже ничего не знают. Никогда вас не видели и коров с вами не пасли.

— Значит, я — живой покойник? И меня можно хоронить.

— Похороны — дорогое удовольствие, — вздохнула первая очкастая. — Живых людей хоронить запрещено. Потому мы решили признать вас безродной личностью из калмыцких степей и на этом основании выдать документ, удостоверяющий ваше безродное прошлое и безродное настоящее.

— Так вы всё-таки признали его российским немцем?! — оживился Густав.

— Да! — торжественно изрёк Комарек. — Одним безродным больше, одним меньше... в общем... какая разница.

Друзья наконец вышли на улицу. Франц натянул на голову всё ту же поношенную шляпу, единственную вещь, которая в его гардеробе, судя по бирке, не была безродной, грустно улыбнулся и смачно сплюнул на родную немецкую землю.

Больше пока делать было нечего.

О «нашем времени» из Берлина

«Наше время» — иллюстрированный альманах, собравший под своим крылом русскоязычных авторов, перебравшихся на жительство в Германию

Их место рождения — разные города и сёла бывшего Союза: Макеевка Донецкой области, Запорожье на Украине, Калачинск Омской области, Полудино, что в Северном Казахстане, Семипалатинск, Карпинск на Северном Урале, Москва, Петербург. А Лев Белов — председатель Берлинского литературного общества, член исполкома МСПС, усилиями которого в немецкой столице и выходит альманах, родился в Северном Казахстане и тридцать лет врачевал в Москве, на Кубе и Афганистане.

С 2003 года, когда было создано общество литераторов Berliner Litera Turbund, многие авторы из Германии, Италии, России, Украины, Казахстана, Грузии, Чехии уже издали собственные книги, но продолжают печататься в альманахе. И в последний выпуск вошли как раз произведения постоянных авторов.

В своих воспоминаниях о родном и двоюродном дедушках Александра Лебедева из Москвы рассказывает о жизни героических людей, отдавших себя на служение великой цели — построения справедливого и счастливого общества, и никогда не сомневавшихся в своём выборе. Александра первой нащупала тему, волнующую многих, — 100-летие Октябрьской революции.

Кто-то рассматривает её как переворот, кто-то считает началом великих перемен в мире, кто-то — экспериментом по отнятию собственности отдельных людей к обобществлению всех земных богатств. Пусть не удался советский эксперимент, но мечта о справедливом мире осталась.

Героической темы касается и писатель Николай Дубовицкий из Семипалатинска, жизнь которого проходила

рядом с будущим космонавтом Елисеевым. Нельзя не восхититься стилем и проникновенностью повествования Анны Шаф из Челябинска о простых земляках, глубоки и содержательны поэтические образы и описания природы в стихах Ирмы Ланцман.

В предыдущем выпуске прозаик и переводчик Александра Зенько рассказывала о своей героической маме, которая дошла до Берлина и фотографировалась на ступеньках поверженного Рейхстага. А в этом номере Александра знакомит читателей со стихами болгарского поэта Казимира Георгиева.

Не так давно увидела свет книга Егора Гамма «Общественное движение российских немцев на фоне своей истории», а теперь альманах публикует письмо его двоюродного брата Герхарда (Григория), в котором чудесные воспоминания о детстве, отрочестве, мысли о прожитом времени, где братьев переполняет гордость за то, что они не были последними винтиками в жизни России.

Много невыдуманных историй описано Валентиной Раймер в стихах о российских немцах. В атмосферу душевных песен Клавдии Шульженко окунает читателя Валентина Скон. Александр Берг поражает нас изобретательностью в выборе метафор в своих стихах-раздумьях. В рассказах-эссе Льва Белова показаны негативные моменты жизни: тяжесть, вероломство, неукротимая жадность.

Ну а в целом, считает писательница Анна Альберт и совет BLB, надо наслаждаться жизнью и желать друг другу: «Будьте молоды дольше, счастливы глубже, любимы сильнее!».

